

СПЕКТР СОЗНАНИЯ

А.Б. Хомяков

СВЕТ В МОЗГЕ ИЛИ ПРОСТОЕ РЕШЕНИЕ «ТРУДНОЙ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ»

Аннотация. В статье представлено новое решение «трудной проблемы сознания», которое объясняет саму причину неудачи прежних решений проблемы «сознания-тело». В статье дается новая теория сознания, обосновывается ее структура, которая позволяет объяснить феномены сознания, а также исследовать сознание экспериментально. Решение основано на гипотезе модели среды, с позиций которой раскрывается трудная проблема и структура сознания.

Ключевые слова: философия, сознание, трудная проблема, ментальное, квалиа, модель реальности, Я и Оно, мозг, репрезентации, нейропсихология.

Вступление

Проблема, которая побудила меня написать эту статью, — это несводимость ментальных событий, происходящих в нас, к физическому миру или проблема философии «сознание-мозг» (mind-body problem). Лучше всего эту проблему можно представить этой цитатой: «... почему вся эта обработка информации [в мозге] не происходит «в темноте», безо всякого внутреннего чувства? Почему, когда электромагнитные волны различной частоты воздействуют на сетчатку, различаются и категоризируются визуальной системой, это различие и категоризация испытываются как ощущение чего-то ярко-красного?»¹. Как видно, в данном вопросе идет строгое разделение представления, например, о визуальной системе (мозга) и ощущения красного (квалиа). Невозможно также объяснить их каузальные отношения, так как они относятся к разным и несводимым субстанциям. Это и составляет «Трудную проблему сознания», решению которой посвящена статья.

При анализе публикаций на эту тему я обнаружил странный парадокс — авторы рассуждают о ментальных состояниях (или сознании) и об их возможной физической основе при помощи одного и того же средства — языка. Но при этом они четко разделяют, где они говорят о физическом, то есть о реальном в их понимании, не зависимом

от ментальных представлений, а где — о ментальных образах, о переживаниях сознания, явленных только субъекту и являющихся его квалиа. Считается, что описывая мозг, автор точно указывает на объективную реальность такого рассмотрения, находящуюся вне мозга. Такое описание считается научным, потому что может быть проверено другими. А, описывая ментальный образ, указывается на его произвольность и недоступность для других — это только то, что у кого-то в голове. Мне кажется, что такое разделение сталкивается с трудностями — даже когда я вижу (чей-то) мозг, он остается моим ментальным образом и утверждение, что этот образ мозга объективен, получается противоречивым. И более того, как будет показано ниже, в этом противоречивом разделении кроется сама проблема объяснительного разрыва. Это позволило иначе взглянуть на «Трудную проблему сознания».

О слоне и мозге

Слон не может поместиться в мозг, поэтому он с необходимостью представлен в нем только своей моделью. Все, чтобы мы не осознавали, является моделью того, что находится вне мозга. А модель, как и сознание, находится в мозге. Мы не можем выйти в своих рассуждениях за пределы своих ментальных репрезентаций, говорим ли мы о чем-то вне себя, или о своем переживании, или о переживаниях других людей — все это видно нам как наши ментальные модели, в том числе описываемые словами. Отсюда с необходимостью следует важный вывод — мы являемся *менталь-*

¹ Chalmers D.J. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. № 2 (3).

но замкнутыми субъектами. Но это не значит, что реальность нам не доступна. Модели что-то моделируют. И чтобы узнать что-то о том, как физическое порождает ментальное, нам надо понять эту связь. И только потом мы сможем ответить на заветный вопрос. Для этого нужно рассмотреть последовательно три вопроса:

Вопрос 1. Что общего между объективным и субъективным представлением?

Здесь мы попытаемся выяснить, чем же они разные, а чем схожи. И можно ли одну преобразовать в другую, преодолев «объяснительный разрыв».

Вопрос 2. Что ментальные модели говорят нам о реальности?

Чтобы не впасть в солипсизм после ответа на первый вопрос, мы должны ответить на следующий вопрос, как ментальная модель относится к реальности, которую мы предполагаем за ней. Что мы можем знать о загадочной реальности?

Вопрос 3. Как в модели возникает Я (сознание)? Где Я находится в мозгу?

Если модель как-то отражает реальность, значит можно ответить и на вопрос — как реальность (через модель) порождает сознание как знание о себе, своих действиях, переживаниях, образах ... и моделях.

Но прежде чем отвечать на эти вопросы, приведу некоторые замечания по поводу объективности.

Объективное или субъективное?

Защитники объективного взгляда не могут объяснить, как мозгу удастся непосредственно отражать реальность, буквально копировать ее в мозг. Но приводят другие обоснования. Они говорят, что эти образы отличаются взглядом от первого лица (ментальные) и от третьего (объективное). От третьего лица значит, что распознанный мной образ может быть подтвержден другими, видящими «тоже самое». Оставим пока в стороне то, что не очевидно, то же они видят или нет. Суть аргумента в том, что интерес субъективности образа подтверждает его объективность.

Интерсубъективность не может обосновать объективность ментального образа, он все равно рождается в индивидуальном мозге из взаимодействия с другими такими же мозгами. Даже когда индивид ссылается на общность своего представления с представлением других, чтобы обосновать его объективность, он говорит о нем как о своем представлении, в котором он со-

мневается, поэтому ищет ему подтверждения (в социуме). Интерсубъективность образа, то есть согласованность его с другими, не отменяет его субъективность для индивида. Для практики человека подтверждение третьими лицами имеет очень важное социальное значение, иначе субъект утопает в собственных иллюзиях и перестает понимать других. Поэтому подтверждение третьим лицом имеет для нас психологическое значение и на основании этого подтверждения мы разделяем свои сомнительные ощущения с интерес субъективным знанием, в котором не сомневаемся, считая его объективным.

Между третьим и первым лицом есть другая разница. Перволичностным образ становится, когда мы говорим о своем и только своем восприятии образа, то есть когда активно включаем в представление о чем-либо представление о себе, что позволяет отличить свой взгляд от взгляда других, пережить свое впечатление. Это замечательное отличие, которое многое объясняет, поэтому мы рассмотрим его в третьей части статьи.

Вопрос 1. Объяснительный разрыв.

Чтобы явно представить проблему, позволяющей одни ментальные описания относить к недостижимому миру, а другие — к единственно достижимому ментальному, представим человека, который колит себя иголкой (мысленный опыт).

Первый опыт.

Мы колем тонкой иголкой свой мозг, смотря через зеркало на него (совершив мысленную трепанацию). Мы видим в поле зрения свой мозг. Но мы так попали иголкой в мозг, что укол создает ментальное ощущение красного пятна неопределенной формы в какой-то части поля зрения. У нас появляется два представления — мы видим, как колем себя в мозг и видим красное пятно. Образ мозга нам представляется как физический, который мы явно видим. Второй мы представляем как квалиа красного, потому что представить на месте мозга такое красное пятно означало бы обширный инсульт, чего в реальности нет. Но образ пятна как субъективное квалиа перекрывает часть образа мозга как объективного представления, которое мы видим. Как это возможно? Это говорит нам о том, что оба представления тождественны по своему способу существования (субстанционально), так как могут замещать друг друга. Они оба созданы мозгом из одних и тех же частей — цветов, линий. Это говорит о том, что

оба они порождены мозгом, причем в одном месте ментального пространства может быть только один элемент красного, принадлежащий той или другой модели, а не обеим одновременно (в мозге только один нейрон красного для этого места). Это говорит о том, что оба представления ментальны, только один мы признаем при этом объективным, а другой субъективным, несводимым к первому. Одно — красное пятно, мы не можем объяснить при помощи другого — наблюдаемого мозга, хотя оба относятся к одному способу ментального представления. В чем же разница? Они оба являются моделями, выполненными при помощи элементарных субъективных образов — линий, текстур и цветов, имеющих «место» в физическом мозгу, до которого мы можем дотронуться иголкой. Только в первом случае (образ мозга) мы наблюдаем подробную структуру образов сосудов, извилин, связанных пространственными отношениями (модель), а во втором по сути один образ, передаваемый только по цвету (бесформенный). Первый при этом хорошо согласуется с реальностью (мозг), другой совсем не согласуется (пятно). И вот тут возникает феномен — при переходе от простого к сложному образу авторы чудесным образом переходят от ментальных терминов к терминам физической реальности. Хотя в действительности произошел переход к такой же по способу представления, только более сложной ментальной модели (так как мы ментально замкнуты). Чтобы проверить себя так ли это, достаточно перейти к одинаково подробным образам (моделям) и попробовать понять, какой из них квалиа, а какой реальный, то есть ответить на вопрос «Что я вижу, когда вижу мозг?» Это мозг как видимый факт или мозг как переживание? Если и то и другое, тогда можно поставить такой вопрос — «Где в мозгу мозг?» Его неразрешимая парадоксальность порождена самим разделением одного образа на ментальный и объективный. Тем же порожден и «объяснительный разрыв».

Чтобы понять это лучше, можно представить, что при уколе мозга мы получили не цвет, а подробный образ чего либо, например, лица кого-либо знакомого (попали иголкой в нейрон бабушки). Тогда произойдет смешение воспринимаемой (объективной) реальности с вызванной уколом (субъективной), что иногда даже наблюдается у людей с повреждением мозга, сопровождаемым реалистичными галлюцинациями². Какой из этих

образов объективный, а какой субъективный? Верно. Но есть ли основания их так разделять? Нет. Потому что эти образы (воспринимаемый и вызванный уколом) могли запросто поменяться местами. Такая возможность существуют, так как и то и другое — ментальные образы, порожденные мозгом. Это относится к любым образам, порождаемым мозгом, а к ним относится с необходимостью все, что мы представляем, без исключений (ментальная замкнутость). Поэтому оснований разделять какие либо описания, представления, теории, наблюдаемые факты или воображаемые гипотезы онтологически на объективные и субъективные нет — это одна материя идеального.

Тогда по сути, решая вопрос «сознание-мозг», мы рассматриваем преобразование одних моделей в другие, точно также как это происходит в метафоре. Если мы посмотрим на любое описание чего-либо — это всего лишь описание одних слов другими словами. Одна модель интерпретирует другую, создавая ее «понимание», то есть включение в свою структуру. При этом термины, которыми описывается понятие не могут быть такими же, как термины описываемого. Желтый лимон невозможно описать терминами «желтый» и «лимон». Но в одном случае это нас не удивляет, а в другом мы никак не можем с этим согласиться.

Примерно тоже самое происходит с понятием времени. Оно субъективно, его трудно объяснить онтологически. Время, взятое само по себе как понятие, совершенно загадочно, но мы с уверенностью можем его применять в речи. Для этого мы пользуемся его метафорой, которая раскрывает свойства времени в модели, например, жидкости — время течет. Если бы мы не привыкли к такому метафорическому переносу, то нам бы показалось странным, что такая сущность как время может быть объяснена при помощи такой не схожей с ней сущностью жидкости, между ними вроде нет ничего общего. На самом деле схожесть есть - когда жидкость течет, время для нас идет, а течение времени можно измерять водяными часами. Заметьте, общее обнаруживается в действии, в употреблении.

Это разность терминов составляет часть объяснительного разрыва — необходимая разность применяемых понятий в описании одного через другое. Красное трудно описать при помощи терминов нейронов (хотя нейроны мы можем нарисовать красным карандашом). Но это единственная возможность, так как нейроны — научно исследуемы (создание подробной модели), а ощущения со-

² Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу. СПб: Science Press, 2006.

знания труднодоступны для подробного описания. При этом они схожи в действии — изменение в сознании можно отследить в мозгу и наоборот, о чем говорят многочисленные опыты на томографах и вживленных электродах. Субъективные термины сознания (народной психологии) не должны элиминироваться моделями нейрофизиологии, а должны раскрываться ими через метафору, так же как время не уничтожено терминами жидкости и движения, а раскрыто ими в своих свойствах «по употреблению». Есть сложность. Попытки объяснить сознание в терминах нейрофизиологии похожа на попытку описать клетку терминами квантовой физики. Это очень сложно и мы обычно так не делаем. Мне видится, что теория моделей является необходимым посредником в таком описании, так как является общей как для нейроструктуры, так и для субъективных терминов, в частности языка. Что будет показано дальше.

Второй опыт

Читатель может заменить, что речь идет только о визуальных образах. А как же с внутренними ощущениями боли, радости, удовольствия? Они чисто субъективны, не наблюдаемы со стороны, и для многих служат основанием для разделения реальности на мир и душу, его созерцающую, как разные по роду своему субстанции. Давайте продолжим опыты, чтобы узнать, так ли это. Теперь мы колем себя иголкой, но в этот раз в кожу, чтобы испытать боль. У нас опять два представления. Одно визуальное — процесс укола самого себя, который мы можем описать как «физический», потому что мы наблюдаем и описываем что-то происходящее «очевидно» вне нас (его могут видеть третьи лица). Второе представление чисто ментальное — чувство боли. Мы не наблюдаем его вне себя, а только ощущаем интроспективно. Это представление воспринимаемо в другой модальности, не сводимой к визуальной, слуховой (кроме крика о боли) или еще какой-то.

Но интересно то, что случаи синестезии цвета говорят нам, что принципиально, путем переключения нейронов, можно вызвать визуализацию боли (укол кожи активирует нейроны соматосенсорной зоны коры, которые можно переключить на цветовые). Кроме того, возможно знание о предстоящей боли при виде руки с иголкой. То есть ее ощущение может вызываться визуальным образом, что опять же говорит об их связи. Более того, боль представима в универсальной модальности речи — в построениях из речевых (слуховых)

знаков. И визуальный процесс тоже представим в этой модальности, что даже можно сделать более детально, так как визуальная модальность более дифференцирована по сравнению с болью, и визуальным образом в нашем лексиконе соответствует больше разных слов. Оба представления таким образом можно выразить в этой единой для них модальности предложениями «Я делаю укол — Я чувствую боль». Такая возможность с необходимостью говорит, что они находятся в сопоставимых моделях. А значит, как и в первом варианте, нет оснований говорить об одном как о ментальном (ощущении боли), а другом как об объективном (образе мозга). Возможность означения словами и того и другого доказывает их сводимость к одному типу — ментальной модели.

Приведение разномодальных представлений в лексическую форму позволяет их сопоставить и оперировать ими взаимно в одной модели (языковой) так, что боли можно придавать визуальные образы (аллегории). Это самая важная способность человека, которая предоставлена ему языком — универсальность языковой модальности по отношению ко всем остальным. Она позволяет перевести понятия одной модальности в понятия другой через метафору, чтобы их дифференцировать. И таким образом мы можем различить боль от укола иголкой и боль от ожога утюгом. Это разные боли, которые ранее мы (дети) не дифференцировали. Таким образом мы можем различить и собственное Я.

Вопрос 2. О модели реальности

Третий опыт

Продолжаем опыты. Теперь мы постукиваем иголкой по коже и чувствуем боль периодически. И представим, что теперь мы закрыли глаза. Все что мы знаем о происходящем, это возникающая периодически боль, проецируемая на представляемую руку. Предположим, что наблюдаемые ранее уколы — это невидимая теперь «реальность», а периодическая боль — единственная модель этой реальности. Что реально мы из такой модели можем знать о наблюдаемой «реальности»? Об иголке, и даже об ее остроте как причине боли мы ничего не знаем (не видим), тем более не знаем о руке, которая эту иголку направляет нам в кожу (предположим, что она чужая). Единственное, что схоже в этой скромной модели реальности с ней самой — это периодичность боли, которая отражает периодичность соприкосновения иголки с кожей. Схожа ли боль с иголкой? Нет. Она не схожа ни с

чем в наблюдаемом мире (с открытыми глазами). Позволяет ли боль узнать о прикосновении иголки к коже в «реальности»? Да. Несхожесть понятия не мешает использовать этот понятие для отражения происходящих изменений в «реальности», за пределами представлений о нем (в дальнейшем мы поймем, что только изменения фиксируются мозгом, а постоянство он создает только для своего удобства). Понятие-боль позволяет нам отражать только событие-укол, происходящий в реальности вне этого понятия, причем (что важно) только границы этого события — его появление и исчезновение. То есть понятие-боль позволяет нам обнаружить во вне только изменения, появление и исчезновение, а не присутствие событий. Это то, что мы достоверно узнаем о реальности с помощью наших понятий, которые сами по себе могут быть произвольными. Это то, что общего у наших ментальных моделей с реальностью — *модели как отношения понятий между собой передают из реальности только факты изменения отношений между понятиями, но не факты существования самих понятий*. Понятия ментальны и никак не схожи с реальностью. Но чтобы разобраться детальнее, перейдем к следующему вопросу.

Чем еще модель схожа с отражаемой ей реальностью? Чем модель кораблика схожа с кораблем? Ни размер, ни материалы, ни свойства не схожи, модель может даже не плавать — она может быть нарисована, и это не отменяет возможности быть моделью, по чертежу можно построить корабль. Характерное пространственное отношение линий корпуса корабля, мачт и паруса дает нам основания для сходства модели с прототипом. При этом сами линии не схожи ни по длине, ни по площади ограничиваемых форм и могут быть самой разной величины (что доказывают детские рисунки). Текстура их может быть вообще отличной. Мало того, мы называем все, что содержит такие отношения кораблем, какие бы линии не были. Например, корабль-облако. В этом модели схожи с категориями. Общность категории (род или вид) отличается, так же и модели — могут быть разные по подробности, то есть по числу передаваемых отношений. Не трудно заметить, чем больше отношений передано, тем ближе модель к оригиналу. Поэтому проработанные модели кажутся более «объективными». Но практика показывает, что мы никогда не имеем дело в своем мозгу (в ментальном) с полной моделью корабля. Просто потому, что мы не можем удержать все связи одновременно, а поэтому рассматриваем всегда какую-то часть отношений,

внешнего вида или плавучих характеристик. Мы можем постепенно реконструировать все связи по очереди, что займет много времени. Возможность воспринять не значит наличие полной модели в мозге. Таким образом, мы приходим к тому, что модель — это всегда часть отношений, которые можно узреть в прототипе (вне мозга).

Модель содержит только отдельные свойства прототипа, которые актуальны для модели в контексте ее употребления (прагматический аспект) — это те свойства, с помощью которых корабль можно отличить от автомобиля или других кораблей, а слона от жирафа, если вы пассажир или охотник. Эта прагматическая задача модели и определяет выбираемые для соотнесения в модели понятия. Естественно, что мы говорим об осмысленной модели, которую можно передать вербально. Это следующий вывод — *модель передает только часть свойств отражаемого ей объекта и разные модели могут передавать разные свойства одного объекта*.

Эмерджентность

Эмерджентность — это не свойство систем в реальности, а свойство нашего способа их постижения. Везде, где мы сталкиваемся с эмерджентностью, то есть несводимостью свойств целого к свойствам частей, мы также сталкиваемся с «объяснительным разрывом». Потому что атомы не объясняют свойств клетки, хотя клетки состоят из атомов. Дело в том, что как только появляется устойчивая структура, как появляется объект, отношения которого в структуре (или в его модели) постоянны, мы начинаем воспринимать его как новое целостное, не следующее из свойств его частей. Это новые зависимости, в которых новая структура проявляет себя с другими как целое, а не по частям. Так в целом мы эти взаимодействия, в которых новая структура проявляет себя, и моделируем. Отсюда не сводимость свойств одного к другому как парадокс «эмерджентности». И в этом еще одно важное свойство моделей — *чтобы выстроить отношения между двумя элементами, которые сами являются отношениями своих частей, модель принимает их как неизменное целое, отвлекаясь от их устройства*. Мозг имеет ограниченный возможности по созданию моделей, что связано с необходимостью быстро анализировать и принимать решения в реальной ситуации. Поэтому мозгу свойственны *эмерджентные переходы*, когда свойства взаимодействующих частей проявляются как целое. Мозг начинает моделиро-

вать эти свойства, отвлекаясь от свойств частей. В результате мы не можем объяснить «очевидно» свойство (модели) целого в терминах свойств (модели) его частей — это разные модели. Отсюда и «разрыв».

В случае речи мы принимаем слова как понятные, когда строим предложения из них, хотя каждое слово можно разъяснять. Мы подразумеваем под ними наиболее *употребимое* значение, сосредотачиваясь на том значении, которое хотим передать предложением из этих слов. Рассматривать переменные отношения переменных сущностей мы просто не умеем. Это психофизиологический предел.

Слепой в комнате

Слепой хочет составить представление о комнате, в которую вошел. У него есть руки как органы соприкосновения с реальностью комнаты, он ощупывает поверхности, чтобы получить представление о комнате (так же как мы ощупываем комнату газами). Все, что он может узнать о реальности — фактура, температура и края. Они являются его ментальными терминами. Предположим, что мы видим и его внутренний мир, и реальную комнату (мы можем быть слепыми сами, закрыв глаза). Мы видим, что его термины не соответствуют реальности, которую мы видим — цвету, яркости, линиям. Но они коррелируют по изменению — там, где мы видим линию объекты, слепой чувствует край, где мы видим изменение цвета, он чувствует смену фактуры, там, где освещение ярче, он чувствует более теплую поверхность. Слепой внутри себя строит модель комнаты, которую мы видим. Представим, что наше видение комнаты — это реальность (полная модель). Слепой вполне может составить модель комнаты не хуже нашей по возможности оперировать в ней (примем, что он еще умеет считать шаги). Она будет отличаться от нашего видения, но у него будет геометрическая модель комнаты, с протяженностями и углами. Только базисной для создания геометрической модели выступила не визуальная модальность, а тактильная (обе модальности — топологичны). Непосредственные впечатления отличаются, выводы и действия схожи.

Представление слепого о комнате не тождественно с представлением видящего, но изменения в одной были адекватно отражены в другой, только в своих терминах. Это значит, что термины могут быть любыми, важны отношения, так же как знаки в языке.

Можно ли слепому объяснить, что такое красный? Нет, он не сможет представлять его так, как видим мы. Но мы можем дать ему знание о красном через другие его представления, например, сказать ему, какие предметы красные из числа тех, которые он знает на ощупь³.

Сделав необходимые выводы из теории моделей, мы и переходим теперь к загадочному сознанию. Каково это — сознать?

Вопрос 3. Что такое Я?

Как появляется Я в мире слепого? Модель слепого, выраженная в его мозге, является достаточной, чтобы по одному прикосновению к части предмета составить представление о нем в целом и предугадать дальнейший ход ощупывания. Но что еще нужно, чтобы продолжать действие? Правильно представлять свое положение в модели комнаты. Ощупываемый предмет стоит в комнате, модель которой тоже активизируется вместе с моделью предмета. И прямой контакт с одним из предметов комнаты говорит о том, где Я. Это хорошо заметно, когда вас раскручивают с завязанными глазами в комнате и вы теряете ориентир в ней. Вы как то должны представить себе комнату, чтобы понять, куда можно шагнуть. И вы должны представить, где вы. Но первый же шаг или прикосновение могут моментально поменять ваше представление, если составленное ранее окажется неверным. Ваше Я быстро переместится в другое место воображаемой модели комнаты. Это обратная проекция от модели комнаты к месту нахождения в ней Я. Она автоматически создается для возможности составления программы передвижения (так же как и модель руки для продолжения ощупывания предмета). Причем эта модель постоянно создается заново, так как каждое перемещение меняет вид комнаты и проекцию Я в ней. Но Я в модели комнаты выступает только как точка в модели комнаты, но еще не как модель Я (при повседневном поведении). Например, когда вы думаете о чем то, прогуливаясь по парку, вы не смотрите только на дорожку и не думаете куда шагнуть, представляя модель себя. Проекция Я как точки в распознаваемой модели окружения достаточно. Животные тоже обладают такой проекцией Я. Это то самое неосознаваемое Я, которое мы никак не можем ухватить, оно всегда сзади наших глаз, смотрящих на что-либо. Не можем, потому что оно не обладает

³ Скороходова О.И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. М.: Педагогика, 1972.

своей моделью, она всего лишь точка, обратная проекция внутри модели. Распознать мы можем только модели.

Модель комнаты каждый раз создается как бы вокруг Я — точка Я выступает ее центрирующим и связующим элементом (собирает отдельно распознанные образы и их диспозиции). В этом смысле «картезианский театр» присутствует в мозге непременно, потому что ему нужно иметь представление о своем местонахождении. Иначе невозможно построить ни одно передвижение в модели комнаты. И невозможно принять ни одно решение из множества рождающихся гипотез. «Я» выступает точкой их схождения, в которой происходит выбор одной из гипотез (гипотеза — предварительная и конкурирующая модель). Наличие такой собранной картины из образов подтверждает синдром, который возникает при повреждении теменной коры. Больной может различать предметы, но не может часто составить из них общую картину — нарисованные очки (содержание поля зрения) видит как круги и палки, предполагая, что это велосипед⁴. Думаю, что при повреждении других частей коры будут распадаться другие образы.

Поэтому, «место сборки» образов — это не сцена как место в мозгу. Отдельные распознаваемые модели, из которых состоит комната (мебель, пол, стены), находятся в разных местах мозга. А их части — в других. Так, желтый лимон в мозгу находится как «разобранный образ» — желтый определяется в одном месте, линии в другом, их соотношение (форма) в третьем. Отсюда понятно, что проекционное Я постоянно меняет свое положение в мозге, оно находится на пересечении распознаваемых образов. Поэтому его невозможно найти.

Но повторим еще раз — это еще не сознание. Это прото-Я, которое присутствует у всех животных как автоматическая проекция своего места в распознаваемом пространстве.

Вид из окна — передо мной

Когда мы смотрим в окно, мы сначала распознаем те объекты, что видим там — машины, деревья, газон. Когда картина сложена «обходом глаз» мы как бы видим ее целиком (хотя глаза продолжают обход в распознавании деталей, подда-

ющихся сомнению) и в этот момент, только после получения картины целиком, мы осознаем, что все это видим мы. «Осознаем» тут означает, что мы распознает себя уже как модель, включенную в единую модель с распознанной целой картиной вне нас. То есть создается другая целостная модель — видимое, но с участием модели Я. Мы распознаем себя видящим как пространственное отношение модели Я к сложившейся к этому времени модели картинке в окне.

Это удобно передать формулой «Я знаю, что Я вижу». Эта формула замечательна тем, что состоит из двух частей, каждая из которых может применяться отдельно, но только вместе они составляют *формулу сознания*. «Я вижу» — это формула распознавания внешнего через перцепцию. Здесь Я выступает как та самая точка проекции (Я-проекция), которая не видит саму себя. «Я знаю» отдельно ничем не отличается по сути от «Я вижу», отличие только в том, что «знаю» — это внутреннее распознавание, распознавание одной модели другою внутри мозга. А вот конструкция «Я знаю, что Я» уже означает нечто большее, потому что второе Я тут уже выступает как модель Я, а не проекцией как первая. Это формула рефлексии, когда мы распознаем сами себя, при этом первая Я — это фантом, точка, а вторая — модель, распознаваемая и вполне реальная.

Постоянные поочередные переходы от «Что Я вижу» к «Я знаю, что (это) Я вижу» и составляет «осознание», в котором рождается субъективная картина или идеальное. Когда мы видим картинку перед собой целиком, и в центре, и по краям, одинаковой и неподвижной — это иллюзия. Мы на самом деле осматриваем ее быстрыми движениями глаз (сакады), перемещая фокальную часть на периферию. Такая же иллюзия и с сознанием — наше внимание постоянно скачет от распознавания того, что перед собой к осознанию того, где мы, как это относится к нам. В результате создается общее ощущение сознания. Постоянное соотнесение, осуществляемое проекционным Я, целостной картины мира с моделью Я и создает иллюзию, что мы существуем как Я. Мы чувствуем себя отделенными от мира, потому что распознаем свою модель Я (например, тела) отдельно от модели мира, но включенной в нее как активная ее часть, производящая действия. Когда осуществляется только одна часть формулы «Я вижу», человек находится в *бессознательном состоянии*, так как не может судить о себе и отдавать отчет своим действиями, в том

⁴ Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях. М.: Академический проект, 2000.

числе описывать свое проведение. Включение в целую картинку модели себя позволяет описать свое видение или намерение как свое проведение. Без осознания человек может описать только увиденное, озвучить закрепленное за распознанным словом (звуковой знак). Мир возникает для нас как субъективность только когда мы распознаем себя в нем. Но что такое модель Я?

Эта формула сознания рекурсивна, «Я знаю, что Я знаю, что Я вижу» и т.д. В результате такой рекурсии появляется самосознание — «Я знаю, что Я». Именно такой рекурсией объясняется и взгляд от первого лица — в распознавание включается не только образ самого себя (сознание видимого), но и сам факт сознания собой чего-либо, что удостоверяет факт распознавания его именно собой, то есть от первого лица. При взгляде от третьего лица мы этим пренебрегаем. Только в этом их разница.

Имя мое — образ мой

Наше имя как слово — это первая модель Я. Видя субъекты, которые его называют, указывая на нас, мы научаемся присваивать его себе, то есть сопоставлять с собой. Модель имени уже семантически, она имеет раскрываемый смысл. Раньше называли именем животного или ремесла, которым занимался человек, тем самым присваивая ему модель в картине общественных отношений. Это становилось моделью Я — «Кузнец-ов сын — кузнец». И сразу виделись огонь, наковальня, молоток и человек, бьющий им по горячему металлу — атрибуты модели этого человека. И себе человек присваивал такие модели, учился видеть таким образом себя — через название себя. Но что происходит, когда Я-проекция сталкивается с моделью Я? Возникает рефлексия, потому что называется то, что скрыто, как мы указывали, от глаз. И вдруг оно становится видимым. «Я знаю, что (это) Я». Прозрение! Вот тут и рождается субъективность как знание о себе (а также о своем действии, желании, видении). Мозг научается не только видеть, что перед ним (распознавать), но и то, что это видит он, то есть распознавать картинку вместе с моделью себя (Я), различая их. Я-проекция получает при этом возможность оперирования не только распознанными образами как внешними, но и образом себя во внешних обстоятельствах. Программировать свое действие, в том числе делать его отложенным, так как непосредственные желания как реакции на внешний образ теперь могут быть заменены на желания (цели) в модели Я, находящейся теперь в связи с образом вне, на которую происходит

реакция. И реакция меняется с непосредственной на заложенную в модели Я (конфликтующую). Это один из примеров управления и источник произвольности действий субъекта — он может менять обстоятельства, на которые реагирует, управляя своей моделью в воображении с помощью внутренней речи.

Важный момент заключается также в том, что Я-проекция и Я-модель находятся в постоянном взаимодействии. Как только произведено действие, оно распознается, в том числе через распознавание действия как своего. Мы видим свои руки в действии, которые есть часть модели Я как тела. Мы чувствуем появление в результате действий эмоций, которые есть часть модели Я как источника чувств (см. ниже). И перестройка отношений Я-модели с новым распознанным окружением происходит всегда как эта картина значительно изменяется в результате действия. В этом смысле осознание происходит постоянно, обуславливая описанный выше постоянный переход от «Я вижу» к «Я знаю, что Я вижу».

Я внутри тела

Но как возникает субъективное ощущение «Я», которое мы описали выше? Дело в том, что модель Я, эксплицированная в воображении (когда вы представляете себя), позволяет создать проекцию Я как точку внутри модели Я (Я от Я). Когда вы представляете себя членом сообщества (модель сообщества), Я проецируется до личности внутри общества (знание об своих отношениях в обществе — это уже модель Я). Когда вы распознаете свое тело, проекция Я совпадает с телом, проецируясь как бы внутри его. Когда вы распознаете свои эмоции, проекция Я совпадает с желаниями и переживаниями, становясь их источником. Когда вы распознаете свои мысли через выраженность их во внутренней речи, вы проецируете Я в свой разум, как способность мыслить вообще. Ее и обнаружил Декарт. Когда человек получает такую проекцию Я в своих моделях, проекционное Я получает возможность выразить себя через речь, произвести действие речи, означив свои желания, видение, намерения (к действию). Распознанное в формуле сознания (осознанное) желание порождает ассоциированное выражение его в речи как установленное в социальной практике. Это значит, что оно может построить модель своих действий, исходя из желаний — создать цели (модель достижения). И становится возможным субъективное действие, потому что модель Я — это модель воз-

возможных действий Я-проекции в данной ситуации, в которую модель Я вплетена. Это действие не обусловленное внешними обстоятельствами, а только внутренними (не видимыми другим). Становится возможным преобразование и создание того, чего нет в природе, но что может отвечать желаниям (целям) человека. Человек открывает воображение, инициированное им (через слово), а не извне через перцепцию.

Где находится модель Я? Модель Я тоже сложно найти, потому что это всегда разный образ — Я как тело, часть социума, эмоции (переживания), ум (клубок мыслей). Можно выключить одно из представлений Я, скажем, повредить связь коры с миндалиной лимбической системы, в результате человек потеряет осознание себя как эмоционального человека, при этом будет осознавать себя как тело или участника общения. Так как эмоциональная часть очень важна, все наши действия размечены эмоциями, поэтому такой человек может осознавать себя эмоционального (источника желаний) даже как мертвого, спокойно говоря об этом врачу — синдром Котара⁵. Мертвым, значит отсутствующим, не способным быть осознанным, так как эмоции не проецируются в кору.

Мозг как моделирующая структура осуществляет распознавание среды, чтобы иметь возможность произвести (полезное) действие. Это динамический процесс, за распознанием следует реакция — действие, изменение, которое заканчивается новым распознаванием и так далее. Процесс непрерывен. Мозг распознает с помощью моделей, строит модели из моделей, схемы действия. Речь, как производимое действие мозга, позволила через социум построить модель тела, проявляющего активность и названного именем (Я). Так появилась модель мозга как модель Я. Модель мозга, как вполне материальная структура нейронов, распознает отношения своих моделей. Мозг получил возможность распознавать модель своего действия в среде, и осуществить активное действие как реакция на это распознавание. В этом процессе нет субъективности как отдельной субстанции, происхождение которой невозможно объяснить.

Мы видим мир как модель, проецируя свой взгляд изнутри от проекции Я в распознанном теле. Поэтому мы видим себя, находящимся внутри тела, откуда как бы и видим мир, который оказывается внешним по отношению к Я, за границами

распознаваемой модели тела. Реалистичность видимого (модели) вне тела подтверждается для нас только в действии. Само действие, инициирующее непрерывное распознавание себя видящим «Я знаю, что Я вижу», создает ощущение себя как непрерывности своего осознанного существования внутри тела.

В любом предложении или мысли, выраженном человеком, будь то повествование или рассуждение, планирование или оценка, всегда подразумевается проекция Я. Например, «(я знаю, что) солнце взошло». Мы не произносим Я только потому, что это настолько укоренившаяся конструкция, сопровождающее каждое высказанное, что его употребление стало необходимым только когда нужно подчеркнуть свое желание, акцентировать на нем внимание. Для того чтобы убедиться в таком имманентном присутствии Я-модели, достаточно спросить себя, кто совершает это высказывание, которое является новым утверждением, требующим проверки, доверия, чтобы Я воспринимающий мог ему проверить и принять. Иначе любой тест или речь есть интенция для меня, и я должен ей руководствоваться. Например, вывески на двери или рекламе на щите (что и делают лоботомированные). В диалоге Я собеседника присутствует визуально, поэтому не нуждается в упоминании. И мы знаем, с кем говорим, имея модель собеседника, и знаем, что перед ним стоит Я (обратная проекция). Но в первобытной речи часто упоминается имя человека, который произносит речь — «Острый глаз (про себя) видит, что солнце взошло». Так же про себя по имени говорят дети, когда только начинают говорить. А в литературных диалогах всегда присутствует «сказал (подумал, увидел, пошел) тот-то».

Соотношение проекционного Я с моделью Я позволяет манипулировать и изменять последнюю через внутреннюю речь. Эта модель Я выступает как модель внешнего поведения, что позволяет быстро перестраивать людям свое поведение в отличие от животных (пластичность культуры). Но это имеет и более важные последствия — возможность изменения соотношения модели Я и с воспринимаемым извне создало воображение. Например, воображение себя не там, где я есть. Это создало субъективное время и все последствия его для нас. Отрицательные последствия этого — существование двух Я, внутренняя борьба желаний Я-проекции (источник желаний) и ограничений модели Я, выстроенного по социальным моделям (должного перед социумом, к которому причастно Я).

⁵ Рамачандран В.С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М.: Олимп-Бизнес, 2006.

Вывод

Почему среда создала сознание, способное знать о себе? Как нейрон понимает, что он нейрон — такой вопрос я задал себе в юности. Теперь на него вполне можно ответить. В природе есть только процесс распознавания — подстановка изменениям в среде, сканируемым перцептивно, подходящей модели. Природа не создавала сознание как знание субъектом себя. Животное, которое только распознает, не знает о себе, этим занимается нейронный мозг, создавая модели изменений. Но в формуле «Я знаю, что Я вижу» содержится двойное распознавание — распознавание среды и самого процесса распознавания среды, которые следуют друг за другом. И в этом процессе присутствует модель Я, видимая нами как бы со стороны (от проекционного Я). И если в этой модели

себя присутствует нейрон, то есть мы себя представляем как нейронную сеть мозга, то получается, что нейрон понимает, что он нейрон. Отсюда понятно, как внутри нас зажегся свет сознания.

В этом описании виден тот универсальный характер модели как функции отношений — она адекватна и к описанию мозга как физиологического процесса и как ментального (образ, ощущение, описание — тоже модель). Отношения в этих моделях тождественны — если что-то меняется в одной, меняется и в другой. И никакой каузальности, потому что одно может быть причиной другого, только если это разные явления. *Сознание с помощью моделей становится вполне объяснимым процессом*, потому что оно сводится к распознаванию модели в модели. А распознавание познаваемо экспериментально.

Список литературы:

1. Лурья А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях. М.: Академический проект, 2000.
2. Рамачандран В.С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М.: Олимп-Бизнес, 2006.
3. Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу. СПб: Science Press, 2006.
4. Скороходова О.И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. М.: Педагогика, 1972.
5. Chalmers D.J. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. № 2 (3).

References (transliteration):

1. Luriya A.R. Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ikh narusheniya pri lokal'nykh porazheniyakh. M.: Akademicheskiiy projekt, 2000.
2. Ramachandran V.S. Rozhdenie razuma. Zagadki nashego soznaniya. M.: Olimp-Biznes, 2006.
3. Saks O. Chelovek, kotoryy prinyal zhenu za shlyapu. SPb: Science Press, 2006.
4. Skorokhodova O. I. Kak ya vosprinimayu, predstavlyayu i ponimayu okruzhayushchiy mir. M.: Pedagogika, 1972.
5. Chalmers D.J. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. № 2 (3).